

DOI: 10.31857/S013038640019445-7

© 2022 г. А.И. ПЫЛЕВ

ТУРКЕСТАНСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ: ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ТУРЦИИ И СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ 20-х годов XX века

Пылев Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и культур Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия).

E-mail: pylev_1080@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9770-579X; Researcher ID: ABE-6004-2001

Аннотация. В статье исследуются исторические обстоятельства появления среднеазиатской (туркестанской) политической эмиграции на территории Турецкой Республики в первой половине 20-х годов XX в. Рассматривается ее политическая деятельность, направленная на организационное оформление и достижение идеологического единства, для чего необходимо было заручиться политической поддержкой турецкого руководства. Исследование опирается на мемуары, воспоминания и опубликованные записки видных представителей туркестанской эмиграции (как на русском языке, так и на турецком), сборники документов, публиковавшиеся в СССР, а также недавно рассекреченные архивные материалы, освещающие внешнюю политику Советской России и сопредельных стран. Несмотря на культурно-этническую общность и пантюркистские убеждения отдельных представителей турецкого политического руководства, Турция оказала лишь ограниченную помощь представителям туркестанской антисоветской эмиграции. В итоге эмигрантские группировки и объединения были вынуждены искать политической поддержки у государств Восточной Европы. Автор приходит к выводу о бесперспективности создания независимых политических образований на территории СССР лишь за счет поддержки локальных антисоветских выступлений из-за рубежа. Для жизнеспособности подобных образований необходимы внутренние объективные условия.

Ключевые слова: Средняя Азия, Туркестан, Северный Кавказ, СССР, Восточная Европа, Турция, басмачество, эмиграция, национальные окраины, Гражданская война в СССР, внешняя политика.

A.I. Pylev

The Turkestan Political Émigré Community: Its Influence on the Foreign Policy of the Turkish Republic and the Soviet-Turkish Relations in the 1920s

Aleksander Pylev, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

E-mail: pylev_1080@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9770-579X; Researcher ID: ABE-6004-2001

Abstract. In this article the author examines the historical circumstances of the formation of the Central Asian (Turkestan) political emigrant community in the territory of the Republic of Turkey in the first half of the 1920s, as well as its political activities aimed at organisational and ideological unification and attempts to gain political support from the Turkish leadership. The study draws

on memoirs, reminiscences, and published notes of prominent representatives of the Turkestan emigration (both in Russian and Turkish), collections of documents published in the USSR, as well as recently declassified archival materials covering the foreign policy of Soviet Russia and neighbouring countries. Despite the cultural and ethnic affinity and pan-Turkic convictions of some members of the Turkish political leadership, Turkey provided only limited assistance to representatives of the Turkmen anti-Soviet emigration. Consequently, emigrant groups and associations were forced to seek political support from Eastern European governments. The author concludes that it was futile to encourage the creation of independent political entities on Soviet territory solely by supporting local anti-Soviet protests from abroad. The viability of such entities required internal objective conditions.

Keywords: Central Asia, Turkestan, North Caucasus, USSR, Eastern Europe, Turkey, Basmachi, emigration, national frontiers, Russian Civil War, foreign policy.

В настоящее время является актуальным и интересным ознакомиться с проблемами и деятельностью представителей среднеазиатской (или так называемой туркестанской) политической эмиграции, оказавшейся после завершения Гражданской войны и окончательной победы советской власти на национальных окраинах за рубежом, главным образом на территории Турции. Первая мировая война и вызванные ею серьезные политические потрясения привели к распаду и исчезновению с политической карты мира Османской империи и появлению Турецкой Республики.

Прежде всего необходимо пояснить, что представляла собой туркестанская эмиграция, каков был ее социальный и идейно-политический базис. С одной стороны, ее формировали представители местной элиты, традиционной и новой, возникшей в ходе экономического освоения и политической интеграции туркестанских земель в состав Российской империи с середины XIX в. После начала советизации региона в 1917–1918 гг. они не приняли ни основ экономической политики новой власти, ни предлагаемого большевиками национального курса, исходившего из принципа «классовой зрелости» отдельных народов. С другой стороны, туркестанскую политическую эмиграцию составила и та часть новой элиты, которая первоначально сочла возможным сотрудничество с большевиками, увидев в них временного союзника в достижении собственных политических целей. Это оказалось характерным для новых государственных образований, возникших на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства в ходе советизации региона (это собственно Туркестанская автономия, а также Бухарская и Хорезмская народные советские республики). С установлением в Туркестане, Хиве и Бухаре советской власти «тактический союз» распался из-за серьезных разногласий о путях политического строительства, что привело к расколу новой туркестанской политической элиты на сторонников и противников пребывания Туркестана в составе Советской России/СССР. Все, кто не принял советскую власть, составили основу антисоветского подполья на территории Туркестана и впоследствии перешли на сторону антисоветских и антигосударственных сил, главной из которых на территории Средней Азии оказалось басмачество. Национальные элиты стремились использовать потенциал этих выступлений для формирования государственных образований, независимых от СССР. После поражения басмачества недовольные новой властью вынуждены были эмигрировать на территорию соседних государств Ближнего и Среднего Востока, оказавшись в конечном счете в Турции. Эмигранты, главным образом тюркские народности среднеазиатского региона, были представителями мусульманской конфессии. Таковы вкратце причины и исторические обстоятельства появления среднеазиатской (туркестанской) политической эмиграции на территории Турецкой Республики в первой половине 20-х годов XX в.

Стоит отметить, что политическая деятельность туркестанской эмиграции за пределами СССР (и в ряде стран Европы) рассматривается в исторической науке достаточно давно, данные сюжеты интересовали как российских, так и турецких ученых.

Обращают на себя внимание исследования М. Озтюрка и А. Ахата Андиджана¹. Интересны публикации, изданные российскими специалистами (в сопровождении научно-исторического комментария), писем видных представителей среднеазиатской эмиграции, прежде всего М. Чокаева и А.-З. Валидова². Ряд работ посвящен изучению так называемого политического клуба «Прометей», фактически объединившего деятельность представителей антибольшевистского движения Закавказья, Туркестана, Северного Кавказа, Поволжья, Урала, а также Украины, Карелии и Коми. Деятельность «Прометей», как и материалы одноименного журнала³, изучалась в трудах С.М. Исакова, Т.М. Симоновой, Я.Я. Гришина, М.З. Галиуллина, Р.Р. Кадырова⁴, которые довольно детально освещают историю пребывания эмигрантских организаций Туркестана за рубежом, попытки их политической самоорганизации, детали и характер взаимоотношений их идейных лидеров. Однако взаимодействие эмигрантов с государственными учреждениями Турции, политическим руководством Турецкой Республики и лично президентом Мустафой Кемалем (с 1934 г. М.К. Ататюрком), а также их попытки оказать влияние на внешнюю политику Турции изучены пока недостаточно.

Результаты Первой мировой войны в значительной степени приблизили Великобританию и Францию к реализации ими давних геополитических замыслов по достижению полной гегемонии в Европе и перекраиванию в их пользу политической карты Евразии. Однако известные политические потрясения в двух государствах, являвшихся одновременно и азиатскими, и европейскими, – России и Турции – привели к появлению совершенно новых образований – Советской России (несколько позже СССР) и Турецкой Республики. Оба государства возникли на месте бывших трансконтинентальных империй и создали определенные препятствия для стран Западной Европы, стремившихся в свою пользу изменить европейские и азиатские границы. Политический курс Советской России, провозгласившей построение социализма и социалистические перспективы для всего человечества в целом, являл серьезную угрозу для политической стабильности в странах Западной Европы. Республиканская Турция, родившаяся из обломков «больного человека Европы», т.е. Османской империи, и провозгласившая курс на форсированную модернизацию по европейскому образцу, хотя и ограничила свою территорию только Анатолией и небольшой частью Европы (область Фракия вместе с европейской частью Стамбула), представляла собой далеко не то, что хотели бы видеть в этой части материка западные державы. Правительство Мустафы Кемалея в Анкаре не только не признало новые мирные договоры, предусматривавшие фактическую ликвидацию турецкой государственности и лишение Турции выхода к морям, но (что было самым

---

¹ *Озтюрк М.* Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. ист. Наук // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rs101004843158?page-6&rotate-0&theme-white> (дата обращения: 29.11.2021); *Andican Ahat A.* Türkiye ve Orta Asya. Osmanlı'dan Günümüze. İstanbul, 2009. Стоит отметить несколько спорный подход и методологию турецких исследователей, которые применяются ими в отношении проблем истории Средней Азии (Туркестана), рассматриваемых либо исключительно в контексте истории «Большого тюркского мира», либо в контексте проблем национальной турецкой истории.

² *Валидов А.-З., Чокаев М.* Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.) М., 1999; *Валидов А.-З.* Из переписки разных лет (1920–1938 гг.) / сост., предисл., примеч. С.М. Исакова. М., 2016.

³ Журнал «Прометей» (Prométhée) начал издаваться в 1926 г. на французском языке в Париже, и там же возник одноименный политический клуб. Чуть позже в Варшаве учреждается «Лига угнетенных Россией народов» (общество «Прометей»).

⁴ *Симонова Т.М.* Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63; *Гришин Я.Я., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р.* Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2021-1-26/article-0271/> (дата обращения: 25.11.2021).

неприятным для западноевропейских правительств) обратилось за помощью и поддержкой к другому «государству-изгою» – Советской России.

Первым иностранным государством, оказавшим помощь в национально-освободительной борьбе силам Мустафы Кемалья, была именно Советская Россия. В основе внешней политики новой Турции одним из важнейших принципов была поддержка и сотрудничество с теми странами, которые ведут национальную борьбу против колониализма и империализма. Напомним, что еще 26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль-паша направил от имени турецкого парламента (Великого национального собрания Турции, ВНСТ) письмо главе советского правительства и председателю Совнаркома В.И. Ленину с предложением установить дипломатические отношения РСФСР и Турции и с просьбой оказать Турции, борющейся против «западных империалистов», военную и финансовую помощь. Положительный ответ советского правительства поступил чуть более месяца спустя, 2 июня 1920 г. Дипломатические и консульские отношения были установлены, и, кроме того, Советской Россией была оказана помощь Турции: 200 кг золота, 40 тыс. винтовок, а также некоторого количества пулеметов⁵. Таким образом, Московский и заключенный сторонами позднее Карсский договоры 1921 г. превратили Россию и Турцию в дружественные друг другу государства. Крайне важна статья 8 Московского договора между кемалистской Турцией и РСФСР. Она предписывала договаривающимся сторонам не оказывать никакой поддержки тем группам, которые, «пребывая на территории договаривающихся сторон, имеют целью ведение борьбы против одной из них»⁶.

Сближение РСФСР и Турции вызвало беспокойство западных стран, которые намеревались создать вокруг Советской России плотное кольцо дипломатической изоляции. При этом использовались внешнеполитические амбиции новых государств, возникших на карте Восточной Европы, либо изменивших границы по итогам Парижской мирной конференции 1919 г. Эти страны надеялись удовлетворить свои территориальные амбиции во многом за счет России, где шла Гражданская война. Достаточно вспомнить Финляндию, Польшу и Румынию и их попытки оккупировать территории на Востоке, некогда являвшиеся окраинами царской России⁷. Страны Антанты, прежде всего враждебно настроенные против советской власти Великобритания и Франция, поддерживали эти устремления новых, поспешно сконструированных на востоке Европы государств, получивших общее наименование «санитарный кордон»⁸, их создание должно было воспрепятствовать распространению «мирового революционного пожара» в центр и на запад Европы. Была попытка включить в их число и Турцию, где с начала 20-х годов XX в. установилось двоевластие – султанское правительство в Стамбуле и Великое национальное собрание Турции в Анкаре, состоявшее из сторонников Мустафы Кемалья, выступавших за провозглашение в Турции республики. Страны Антанты всемерно поддерживали и использовали все сохранявшиеся еще со времен Османской империи на территории внутренней Анатолии межнациональные противоречия и антитурецкие настроения среди арабов, курдов и армян, населявших центр, восток и юго-восток Анатолии.

⁵ Широкопад А.А. Русско-турецкие войны. Минск; М., 2000. С. 721.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 600.

⁷ Речь идет о карельских, прибалтийских, западнобелорусских и украинских территориях, а также о Бессарабии.

⁸ Оборот-метафору «санитарный кордон», как свидетельствует У. Черчилль, на Версальской мирной конференции впервые применил итальянский премьер-министр Витторио Орландо 21 января 1919 г.: «Обычно, чтобы остановить распространение эпидемии, устанавливают санитарный кордон. Если принять подобные же меры против распространения большевизма, он мог бы быть побежден, ибо изолировать его – значит победить». См.: Черчилль В. Мировой кризис / предисловие И. Минца. М.; Л., 1932. С. XVII. URL: <http://grachev62.narod.ru/churchill/preface.htm> (дата обращения: 08.05.2021).

Так, заключенный между рядом европейских стран и султанской Турцией в августе 1920 г. Севрский договор, утверждавший новые турецкие границы и непризнанный турецкими патриотическими силами во главе с Мустафой Кемалем, предписывал Турции отказаться от «всяких прав и правооснований»⁹ на территории, предусмотренные для спешно создаваемых Армении и Курдистана. К ним должны были отойти практически все восточные и юго-восточные турецкие вилайеты. В то же время дипломатия Антанты выискивала возможных сторонников включения Турции в «анти-советский фронт» не только среди представителей бывшего султанского правительства, но и среди республиканцев. Принималось в расчет, что определенная часть сторонников Мустафы Кемала была готова воспользоваться дезинтеграцией бывшей Российской империи и событиями на Кавказе ради возвращения некогда утраченных Турцией территорий, причем не только потерянных Османской империей в ходе Первой мировой войны, но и тех, которых Высокая Порта лишилась по итогам русско-турецких войн XIX в. В качестве примера можно вспомнить Бекир Сами-бея, выходца с Кавказа, занимавшего при анкарском правительстве пост министра иностранных дел. В конце февраля 1921 г. в Лондоне открылась конференция держав Антанты с участием делегации от Греции и Турции, причем последняя была представлена сразу двумя делегациями — от Стамбула и от Анкары. Бекир Сами-бей, представлявший ВНСТ, предлагал главе английского кабинета министров Ллойд Джорджу включить Турцию в антисоветскую коалицию и обещал при улучшении условий мира для Турции, что анкарское правительство будет добиваться помощи и поддержки контрреволюционных горцев Северного Кавказа в интересах совместной борьбы с «большевизмом»¹⁰. Однако правительство в Анкаре параллельно вело переговоры с Москвой и предпочло дождаться их результатов, нежели ввязываться в кавказскую авантюру с далеко неясными результатами. Бекир Сами-бей по возвращении в Анкару, не получив поддержки своей инициативы, был вынужден уйти в отставку.

Однако кавказская тема далеко не случайно стала предметом дискуссий в этот период в политических кругах Анкары. Во-первых, важным фактором оставалось присутствие в Турции многочисленной и влиятельной кавказской диаспоры, потомков переселенцев 60-х годов XIX в. По некоторым данным, их число к 1880-м годам в Османской империи насчитывало около 2 млн человек. Значительная их часть лишилась в результате переселенческой политики царского правительства земель, которые они считали своими. Политическая ситуация в России изменилась, и предполагалось, что настал благоприятный момент для «возвращения» в состав Турции утраченных земель. Потомки кавказских переселенцев, именовавшиеся турками «черкесами», традиционно использовались султанским правительством в армии и пограничных войсках; это обстоятельство способствовало возможному участию бывших переселенцев в новых военных конфликтах, в том числе и за пределами Турции. Вместе с тем уже в начале 1920-х годов ряды турецкой кавказской диаспоры пополнились новыми эмигрантами с Северного Кавказа, которые либо активно участвовали в вооруженном сопротивлении советизации Кавказа, либо как противники советской идеологии не желали оставаться в пределах Советской России. Среди них были представители как нетюркских, так и тюркских народов Кавказа и Закавказья. В 1924 г. несколько северокавказских и азербайджанских политических деятелей учредили в Стамбуле так называемый «Комитет освобождения Кавказа», причем в учредительном протоколе организации значилось: «Согласно твердому убеждению подписавших данный документ, в будущем Турция неизбежно сыграет свою роль как

⁹ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948. С. 98.

¹⁰ Озтюрк М. Указ. соч. С. 18–20.

в деле освобождения кавказских народов, так и в деле укрепления их независимости»¹¹. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что поначалу правительство Турции в Анкаре поддерживало процесс советизации кавказского региона, усматривая в том неизбежное укрепление здесь позиций Советской России и, соответственно, ослабление западных держав. Однако, как замечает М. Озтюрк, «чем ближе граница советского контроля приближалась к Анатолии, тем больше беспокойства это вызывало в Меджлисе». Тревога в ВНСТ в Анкаре еще больше усилилась, когда в сентябре 1920 г. в Баку было провозглашено учреждение Коммунистической партии Турции и прошел слух, что в дальнейшем помощь национально-освободительному движению Турции со стороны Советской России «будет оказываться только через турецких коммунистов»¹². Представители антисоветской эмиграции с Кавказа всячески способствовали распространению подобных известий и настроений в Турции.

Однако в начале 20-х годов XX столетия помимо присутствия в Турции политической эмиграции с Северного Кавказа и Закавказья, вносившей свой колорит в разворачивавшуюся в Турции политическую борьбу, ряды эмигрантов из пределов Советской России/СССР стали пополняться и выходцами из Средней Азии (Туркестана). К этому времени значительная часть территории Средней Азии была охвачена сопротивлением установлению здесь советской власти. В советской литературе это движение сопротивления советизации принято было именовать басмачеством, тогда как в литературе, написанной представителями эмиграции за пределами СССР, его называли «народным движением сопротивления советскому империализму», который «пришел на смену империализму русскому»¹³. Одним из наиболее видных представителей среднеазиатской эмиграции был Усман-Ходжа Пулатходжаев (1878–1968), бывший руководитель ЦИК Коммунистической партии Бухарской народной советской республики, перешедший затем на сторону противников Советов и примкнувший к нелегальному «Туркестанскому национальному объединению» (ТНО); в дальнейшем он участвовал в вооруженной борьбе против Красной армии на территории Бухары. Пулатходжаев вместе с другими активистами ТНО был вынужден после окончательного поражения антисоветских выступлений в Бухаре бежать сначала в Афганистан, затем в 1923 г. он прибыл в Стамбул, где ТНО продолжала свою деятельность. Пулатходжаев принял также активное участие в становлении и работе еще одной эмигрантской организации – «Союз молодежи Туркестана»¹⁴, а также в издании печатного органа эмигрантов из Туркестана – «Новый Туркестан» (*Yeni Türkistan*). Однако официальные круги провозглашенной 29 октября 1923 г. и международно признанной Турецкой Республики очень сдержанно относились к присутствовавшим на ее территории эмигрантским организациям из пределов СССР и под разными предлогами препятствовали регулярному выходу их периодических изданий. Тому был весьма серьезный резон: в дополнение к уже существовавшему договору о дружбе между Советской Россией и Турцией, подписанному еще в 1921 г., в конце 1925 г. от лица своих правительств министр иностранных дел Турецкой Республики Тевфик Рюшту-бей и народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин

¹¹ *Hızal A.H.* Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal davası. Ankara, 1961. S. 94–96.

¹² *Озтюрк М.* Указ. соч. С. 21.

¹³ *Hayit B.* Berichte und Forschungen über Turkestan. Dreisam; Köln, 1997. S. 12.

¹⁴ В литературе, периодике и публицистике, издававшейся эмигрантами, вместо нынешнего понятия Средняя Азия, которое стало употребительным позднее в СССР, использовался термин Туркестан; эмигрировавшие выходцы из Средней Азии, а также их потомки продолжали придерживаться его вплоть до самого последнего времени, апеллируя к существованию здесь единой «тюркской» нации, которая якобы была искусственно разделена большевиками на национальные республики, вошедшие в состав СССР. См.: *Hayit B.* *Op. cit.* S. 324.

подписали в Париже новый договор о дружбе и нейтралитете. Турецкое правительство, не желая осложнений в отношениях с СССР, вводило разного рода ограничения на деятельность всех эмигрантских обществ и организаций на своей территории, враждебных советскому государству. В соответствии с одобренным ВНСТ «Законом о печатных изданиях» от мая 1931 г., по решению турецкого правительства в сентябре этого же года, были закрыты все печатные органы среднеазиатских эмигрантов, в том числе и журнал «Новый Туркестан».

Не добившись, таким образом, помощи от Турции, туркестанская эмиграция обратила внимание на государства Восточной Европы и обрела в итоге здесь заметно большую поддержку как моральную, так и материальную, в сравнении с той, которую она встретила в этнически и конфессионально более близкой для себя Турции. Этому способствовало несколько обстоятельств. Политическая элита целого ряда восточно-европейских государств имела определенные политические амбиции, которые во многом были связаны с притязаниями на «великодержавие» и, соответственно, территориальные претензии к СССР. И потому правительства государств Восточной Европы симпатизировали различным группам и организациям, покинувшим Советскую Россию еще в ходе Гражданской войны и оппозиционно настроенным не только в отношении советской власти как таковой, но и в отношении новых принципов государственного строительства, свойственных СССР. Заметную роль в поддержке антисоветской эмиграции на своей территории сыграли Польша и Чехословакия – государства, которые возникли на карте Европы в границах, определенных Парижской мирной конференцией и Версальской системой.

Официальные власти Анкары, прекрасным образом осведомленные о деятельности групп антисоветской эмиграции как в своей стране, так и в Восточной Европе, держались на почтительном расстоянии от всех устремлений, декларируемых организациями, ставившим целью борьбу против «красного империализма». Как это ни парадоксально, но политические интересы туркестанской эмиграции обнаружили больше схожести с целями и установками новой восточно-европейской, а не турецкой политической элиты. Для руководства Анкары не имело принципиального значения, что многие участники данных организаций, как туркестанских, так и северокавказских, имеют тюркское происхождение. Турецкий исследователь В. Айхан так объясняет этот феномен: «Турция, принимая во внимание сложившийся баланс сил на мировой арене после завершения Первой мировой войны, строила дружественные отношения с СССР; но при этом не должна была забывать о той силе и том влиянии, которые всегда имели на ситуацию на Ближнем Востоке Англия и Франция и, соответственно, должна была прикладывать усилия к сохранению хороших отношений и с последними. Несомненно, если бы Турция тогда пыталась проявлять больше активности в своей восточной политике, *задевая при этом интересы трех вышеупомянутых держав* (выделено мною. – А.П.), она бы столкнулась с очень серьезными проблемами»¹⁵. Очевидно, насколько сильно могла бы активная поддержка Турцией эмиграции из бывших южных и восточных национальных окраин России «задеть» интересы СССР. Еще более категорично в отношении своей политики к бывшим национальным окраинам России высказался Мустафа Кемаль, тогда еще будущий первый президент Турецкой Республики: «Конечные цели политики обеих наших стран здесь должны быть общими как в настоящее время, так и позднее». Эти слова были сказаны еще 14 августа 1920 г. на заседании Великого национального собрания Турции по поводу завершения советизации Азербайджана и Нахичеванской области,

¹⁵ *Ayhan V. Eksen Kayması mı? Sistemik etkiler mi?: Türkiye-Ortadoğu İlişkilerine teorik bir bakış // Ortadoğu Analiz. Aylık uluslararası ilişkiler dergisi. Temmuz-Ağustos'10. Cilt 2. Sayı 19–20. URL: <https://docplayer.biz.tr/39284858-Eksen-kaymasi-mi-sistemik-etkiler-mi-turkiye-ortadogu-iliskilerine-teorik-bir-bakis.html> (дата обращения: 25.11.2021).*

занятых Красной армией¹⁶; однако они, на наш взгляд, отразили программный подход Кемаля и его соратников к отношениям с Советской Россией как в частных, так и в общих вопросах мировой политики. Турецкое руководство не желало осложнения отношений со своим северным соседом во имя весьма туманных перспектив и целей, которые ставила себе эмиграция из СССР. По крайней мере, итоги завершающей фазы Гражданской войны в Советской России убедительно показали, что партия большевиков и советское правительство выдвинуло на тот момент и в тех конкретных условиях самую работоспособную программу решения в России национального вопроса. Это было столь же очевидным и для официальной Анкары.

Резюмируя анализ внешней политики Турции, в меньшей степени, чем Восточная Европа, использовавшей фактор антибольшевистских движений и организации эмигрантов Туркестана, необходимо также подчеркнуть, что на данное обстоятельство повлияла научная и общественно-политическая деятельность в Турции Ахмета-Заки Валидова (в эмиграции Зеки Велиди Тоган)¹⁷, одного из лидеров туркестанской эмиграции и ТНО. За рубежом он стремился взять на себя роль лидера не просто туркестанского, но и в целом тюрко-мусульманского антибольшевистского движения и не раз сетовал на весьма ограниченный характер поддержки эмиграции из Средней Азии со стороны Анкары. Как следует из воспоминаний («Мемуаров»)¹⁸ Валидова, он продемонстрировал значительные расхождения во взглядах на проблемы общетюркской истории с точкой зрения самого президента Атаюрка, идеи которого были положены исторической наукой Турецкой Республики в основу подходов к проблемам истории и этногенезу турецкого народа. К тому же, еще будучи руководителем кафедры истории Стамбульского университета, Валидов испортил отношения с Мустафой Кемалем в 1932 г., подвергнув критике некоторые положения подготовленной по инициативе президента Турецкой Республики книги по общетюркской истории «Очерки турецкой истории» (Türk Tarihi Anahatları)¹⁹.

В настоящее время уже трудно сказать, удалось ли бы осуществить, воспользовавшись сложной обстановкой 20-х годов XX столетия, воссоздание на окраинах территории СССР ряда независимых государств, будь то Северный Кавказ или Средняя Азия (и именуйся они ханствами, республиками или конфедерациями), если бы представители эмиграции действительно смогли бы добиться весомой вооруженной поддержки тех государств, где они оказались в эмиграции, либо поддержки

¹⁶ Цит. По: *Doğan A. Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1978. S. 457.*

¹⁷ *Валидов Ахмет-Заки (1890–1970)* – востоковед, участник революции 1917 г. в России, Гражданской войны, участвовавший в установлении советской власти в Башкирии и руководивший Башревкомом, после разрыва с Советским правительством оказался на территории Туркестана, где в 1921–1922 гг. принимал активное участие в организации и деятельности ТНО и басмаческом движении. После ряда тяжелых поражений был вынужден эмигрировать сначала в Афганистан, затем в Западную Европу; в 1925 г. переехал в Турцию. Неоднократно переиздавал на турецком языке мемуары, в том числе о своей борьбе с большевизмом в Туркестане как политической, так и военной. Следует отметить, что издание мемуаров А.-З. Валидова осуществлял не при поддержке государственных органов Турецкой Республики и официальной Анкары, а при финансовом участии польского правительства, о чем он позднее сообщил в «благодарственном письме» полковнику Т. Шетцелю, начальнику так называемого «Восточного отдела» МИД Польши. См.: *Валидов А.-З., Чокаев М.* Указ. соч. С. 81.

¹⁸ Первое издание «Мемуаров» З.-В. Тогана (Валидова) вышло в свет в 1929 г. в Каире, затем неоднократно переиздавалось в Турции, после распада Советского Союза и в России на русском языке: *Валиди (Валидов) А.-З.* Воспоминания. Кн. 1. Уфа, 1994; Кн. 2. Уфа, 1998.

¹⁹ Данная критика и разногласия в подходах к проблемам истории турецкого народа и «тюркской нации» нашли отражение и в «Мемуарах» Валидова, и в письме, написанном в марте 1933 г. лично М.К. Атаюрку (см.: *Валидов А.З.* Из переписки разных лет. С. 50–56).

Валидова обвинили в некомпетентности, он был отстранен от преподавания истории в Стамбульском университете. Все это вынудило его к «повторной» эмиграции из Турции в Западную Европу.

в организации интервенции. Как бы то ни было, очевидно одно: и в 1920-е годы и после 1931 г. с разгромом последних вспышек среднеазиатского басмачества на территории Восточной Бухары (современный Таджикистан) для антибольшевистской эмиграции значительно сузились возможности использования фактора антигосударственных выступлений на территории национальных окраин СССР. Деятельность представителей среднеазиатской эмиграции, оставшихся в Турции, продолжала находиться в тесной зависимости от внешнеполитического курса иностранных государств. Турецкие власти сильно ограничивали поддержку политикам-эмигрантам Туркестана, «осторожность» в отношении СССР продолжала оказывать решающее влияние на политику Турции и в первые годы Второй мировой войны. Турция выстраивала внешнюю политику, балансируя между Германией и ее сателлитами, с одной стороны, и формировавшейся антигитлеровской коалицией – с другой²⁰.

Отвечая на вопрос, имела ли перспективы вся подобная антисоветская деятельность туркестанской эмиграции, как и ее попытки реализовать свои цели посредством влияния на внешнюю политику иностранных государств пребывания (в нашем случае Турции), уместно будет обратить внимание на одно немаловажное для недавней истории народов Средней Азии обстоятельство. Еще когда народы туркестанского региона решали вопрос о присоединении к Российской империи, нередко оказывалось так, что конкретные действия вождей тех или иных племен, ханов, что вели переговоры с представителями русского царя о вхождении в состав России, действительно совпадали с волей народов, от имени которых они выступали. Но отражали эти действия интересы прежде всего политической элиты, не всегда созвучные чаяниям находящихся у нее в подчинении народов, народностей или племен. И на Северном Кавказе с его еще очень зыбкими политическими традициями, и в Средней Азии, где политогенез имел более длительную историю, тем не менее испокон веков существовала проблема политического единства внутри конкретной народности, равно как «цельности и управляемости социума»²¹. Это наследие прошлого в значительной степени сохранялось и на рубеже 20–30-х годов XX столетия, когда на месте бывшей «тюрьмы народов» сформировалось совершенно другое государство с иными политическими устоями и идеологической основой. Таким образом, очевидно, что «политическое единство» народов «независимого Туркестана» (точно так же, как и горцев Северного Кавказа) было не более, чем политическим лозунгом, существовавшим в умах амбициозных лидеров, однако для реализации подобного лозунга также отсутствовали объективные предпосылки. Перспективы создания здесь каких-либо прочных объединений, о которых мечтала антисоветская эмиграция, при использовании только лишь политической, моральной, финансовой поддержки государств и правительств в разной степени враждебных СССР, вряд ли имелись. Такие объединения могли возникнуть исключительно при прямой военной поддержке из-за рубежа в лице сил, прямо заинтересованных в ослаблении влияния СССР; однако они целиком и полностью зависели бы от своих иностранных покровителей и имели весьма призрачные перспективы не только для политической, но и вообще для какой-либо возможной формы независимого существования.

---

²⁰ Известно, что Турция после смерти М.К. Ататюрка, находясь под большим влиянием Германии, стала проявлять большую активность в противостоянии СССР, и даже готовилась принять участие в войне на стороне Германии на Восточном фронте на территории Закавказья, проведя в 1942 г. частичную мобилизацию вооруженных сил, однако, когда стал ясен исход Сталинградского сражения в январе–феврале 1943 г., отказалась от планов участия в войне против СССР.

²¹ Дегоев В. К северу от Кавказского хребта: страсти вокруг «великих историй» // URL: <http://bs-kavkaz.org/2011/10/k-severu-ot-kavkazskogo-hrebta-strasti-vokrug-velikih-istorij/> (дата обращения: 29.11.2021).

Библиография

- Валидов А.-З., Чокаев М. Из истории российской эмиграции. Письма А.-З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932 гг.). М., 1999.
- Валидов А.З. Из переписки разных лет / сост., предисл., примеч. С.М. Исхакова. М., 2016.
- Гришин Я.Я., Галиуллин М.З., Кадыров Р.Р. Прометеизм как один из инструментов антисоветской борьбы II Речи Посполитой в 1918–1932 гг.: история и современность // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9. № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obschestvo-oborona/2021-1-26/article-0271/> (дата обращения: 25.11.2021).
- Дегоев В. К северу от Кавказского хребта: страсти вокруг «великих историй» // URL: <http://bs-kavkaz.org/2011/10/k-severu-ot-kavkazskogo-hrebta-strasti-vokrug-velikih-istorij/> (дата обращения: 24.11.2021).
- Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.; Л., 1948.
- Озтюрк М. Советско-турецкие отношения на Кавказе в 1918–1923 гг.: дисс. ... канд. ист. наук // Российская государственная библиотека. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rl01004843158?page-6&rotate-0&theme-white> (дата обращения: 29.11.2021).
- Симонова Т.М. Прометеизм во внешней политике Польши. 1919–1924 гг. // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 47–63.
- Черчилль В. Мировой кризис / предисл. И. Минца. М.; Л., 1932.
- Широкорад А.А. Русско-турецкие войны. Минск; М., 2000.
- Andıcan Ahat A. Türkiye ve Orta Asya. Osmanlı'dan Günümüze. İstanbul, 2009.
- Ayhan V. Eksen Kayması mı? Sistemik etkiler mi?: Türkiye-Ortadoğu İlişkilerine teorik bir bakış // Ortadoğu Analiz. Aylık uluslararası ilişkiler dergisi. Temmuz-Ağustos'10. Cilt 2. Sayı 19–20. URL: <https://docplayer.biz.tr/39284858-Eksen-kaymasi-mi-sistemik-etkiler-mi-turkiye-ortadogu-iliskilerine-teorik-bir-bakis.html> (дата обращения: 25.11.2021).
- Doğan A. Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1978.
- Hayit B. Berichte und Forschungen über Turkestan. Dreisam; Köln, 1997.
- Hızal A.H. Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal davası. Ankara, 1961.
- Turan M.A. «Promethe Hareketi»'nde Kuzey Kafkasya mültecileri: Kafkasya Dağlıları Halk Partisi (1926–1940) // URL: https://docplayer.biz.tr/31463635-M-aydin-turan-promethe-hareketi-nde-kuzey-kafkasya-multecileri-kafkasya-daglilari-halk-partisi.html#show_full_text (дата обращения: 29.11.2021).

References

- Cherchill W. Mirovoi krizis / predisloviie I. Mints [World crisis / with a foreword by I. Mints]. Moskva; Leningrad, 1932. (In Russ.)
- Degoev V. K severu ot Kavkazskogo khrebta: strasti vokrug “velikikh istorii” [North of the Caucasian Ridge: passions around “great stories”] // URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/1461415.html> (access date: 29.11.2021). (In Russ.)
- Grishin Y.Y., Galiullin M.Z., Kadırov R.R. Prometeizm kak odin iz instrumentov antisovetskoi bor'bi II Rechi Pospolitoi [Prometheism as one of the instruments of the anti-Soviet struggle of the Second Polish-Lithuanian Commonwealth state in 1918–1932: history and modernity] // Nauka. Obschestvo. Oborona [Science. Society. Defense]. 2021. T. 9. № 1. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obschestvo-oborona/2021-1-26/article-0271/> (access date: 24.11.2021). (In Russ.)
- Miller A.F. Ocherki noveishei istorii Turtsii [Essays on the recent history of Turkey]. Moskva; Leningrad, 1948. (In Russ.)
- Ozturk M. Sovetsko-turetskie otnosheniia na Kavkaze v 1918–1923 gg.: avtoreferat diss. ... kand. ist. nauk [Soviet-Turkish relations in the Caucasus in 1918–1923: dissertation abstract] // Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka [The Russian State Library]. URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rl01004843158?page-6&rotate-0&theme-white> (access date: 29.11.2021). (In Russ.)
- Shirokorad A.A. Russko-turetskie voini [Russian-Turkish wars]. Minsk; M., 2000. (In Russ.)
- Simonova T.M. Prometeizm vo vneshnei politike Polshi. 1919–1924 gg. [Prometheism in Poland's foreign policy. 1919–1924] // Novaja i novejsaja istorija [The Modern and Contemporary History]. 2002. № 4. S. 47–63. (In Russ.)
- Validov A.-Z. Iz perepis'ki raznikh let (1920–1938 gg.) / sost., predisl., primech. S.M. Iskhakova [From the correspondence of different years (1920–1938) / comp., preface, note by S.M. Iskhakov]. Moskva, 2016. (In Russ.)

Validov A.-Z., Chokaev M. Iz istorii rossiiskoi emigratsii: Pis'ma A.Z. Validovai M. Chokaeva (1924–1932 gg.) [From the history of Russian emigration: Letters of A.-Z. Validov and M. Chokaev (1924–1932)]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Andican Ahat A. Türkiye ve Orta Asya. Osmanlı'dan Günümüze. İstanbul, 2009.

Ayhan V. Eksen Kayması mı? Sistemik etkiler mi?: Türkiye-Ortadoğu İlişkilerine teorik bir bakış // Ortadoğu Analiz. Aylık uluslararası ilişkiler dergisi. Temmuz-Ağustos'10. Cilt 2. Sayı 19–20. URL: <https://docplayer.biz.tr/39284858-Eksen-kaymasi-mi-sistemik-etkiler-mi-turkiye-ortadoğu-iliskilerine-teorik-bir-bakis.html> (access date: 25.11.2021).

Doğan A. Milli Kurtuluş Tarihi. İstanbul, 1978.

Hayit B. Berichte und Forschungen über Turkestan. Dreisam\$ Köln, 1997.

Hızal A.H. Kuzey Kafkasya Hürriyet ve İstiklal davası. Ankara, 1961.

Turan M.A. «Promethe Hareketi»'nde Kuzey Kafkasya mültecileri: Kafkasya Dağlıları Halk Partisi (1926–1940) // URL: https://docplayer.biz.tr/31463635-M-aydin-turan-promethe-hareketi-nde-kuzey-kafkasya-multecileri-kafkasya-daglilari-halk-partisi.html#show_full_text (access date: 29.11.2021).